

УДК 821.161.1-31(Солженицын А. И.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,44

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

Е. В. Жуйкова
Москва, Россия

ОБ ОДНОМ ИЗ ПРОТОТИПОВ ОБРАЗА ЛЕНИНА В ЭПОПЕЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»

Аннотация. В статье рассматривается образ В. И. Ленина в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо». Отправной точкой для исследования послужили фрагменты из дневников о. А. Шмемана, которые содержат признания самого писателя о персонажах «Красного Колеса», близость к которым он ощущает. Среди них — полковник Воротынцева, Саня Лаженицын и В. И. Ленин. Показательно, что это и ключевые образы эпопеи, точке зрения которых уделяется в книге особое внимание. О работе А. И. Солженицына над созданием образа В. И. Ленина писали многие исследователи. Некоторые из них отрицали даже самую возможность упоминания автора «Красного Колеса» и революционера в общем контексте, но в статье речь идет совсем не о том, чтобы сравнивать реальных людей и искать в них общие черты. В данной работе предпринимается попытка анализа методов, используемых писателем для разработки ключевых образов эпопеи. Особое внимание обращается на способ изображения «изнутри» и стилизацию авторской речи в главах «Красного Колеса» под речь персонажа, с точки зрения которого ведется повествование. Черты личности А. И. Солженицына в созданном им образе В. И. Ленина в данной работе обнаруживаются в результате предпринятого текстуального анализа эпопеи и сопоставления с мемуарными свидетельствами автора. Среди них — понимание ценности собственного времени, неприятие компромиссов, деятельность подпольщика и многие другие. В ходе исследования автор приходит к выводу, что А. И. Солженицын при создании образа Ленина опирался на собственный опыт и наделил его некоторыми своими чертами и привычками. При этом подчеркивается диаметрально противоположность аксиологии автора и героя. Подобное сопоставление несколько не дискредитирует А. И. Солженицына и не указывает на близость его идеологических позиций к идеям В. И. Ленина, а лишь иллюстрирует то, насколько сложным, многоплановым и глубоким был процесс создания образа знаменитого революционера в эпопее «Красное Колесо».

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные образы; эпопеи; Октябрьская революция; исторические личности.

E. V. Zhuykova
Moscow, Russia

ABOUT ONE OF LENIN'S IMAGE PROTOTYPES IN "THE RED WHEEL" BY A. SOLZHENITSYN

Abstract. This article deals with Lenin's image in the epic "The Red Wheel" by A. Solzhenitsyn. The starting point for study is some excerpts from the diaries of A. Shmeman, which include the thought of the writer about the characters of "The Red Wheel", who he feels very close. Among them are Colonel Vorotyntsev, Sanja Lazhenitsyn and V. I. Lenin. These characters are the main ones in the novel, their views are disclosed in the book in detail. A. Solzhenitsyn's work on creation of Lenin's image was analyzed by many researchers. Some of them denied the fact that the name of the author of "The Red Wheel" was mentioned in the context of the novel. This article does not try to compare real people to search for some similarities in them. It attempts to analyze the methods used by the writer to develop the key images of the epic. Special attention is drawn to the way of depicting the image "from the inside" and the stylistic adaptation of the author's speech in the chapters of the "Red Wheel" to the speech of the narrator. Solzhenitsyn's personality traits in Lenin's image are found during textual analysis of epics and comparison with the memoirs of the author. Among these traits are understanding the value of their own time, the rejection of compromise, illegal activities and many others. In the course of the study, the author comes to the conclusion that Solzhenitsyn when he created Lenin's image, relied on his own experience and gave his character some of his own traits and habits. It emphasizes a diametrical opposition of the author's and the hero's axiology. Such a comparison does not discredit Solzhenitsyn and does not indicate the proximity of his views and ideological beliefs to Lenin's ideas and ideology, but it only illustrates how complex, multifaceted and deep was the process of image creation of the famous revolutionary in the epic "The Red Wheel".

Keywords: Russian literature; Russian writers; writing; literary images; epic; October revolution; historical figures.

О работе А. И. Солженицына над образом В. И. Ленина в «Красном Колесе» писали многие — прежде всего, сам автор, предоставивший подробное описание всего ритуала в «Дневнике Р-17». Мы называем это именно «ритуалом», поскольку здесь чувствуется что-то мистическое: портрет, висющий на стене, под одобрением (или неодобрением) которого шел процесс создания образа революционера.

Важной представляется точка зрения И. Роднянской [Роднянская 2009: 265–276]. Она анализирует «земное соревнование» (как назвал его сам А. И. Солженицын) между А. И. Солженицыным и В. И. Лениным, называя эти фигуры «соположными». Одной из причин «соположности» является то, что Ленин в одной из анкет назвал себя литератором: многие современники отмечали его чув-

ственность к литературе и умение работать со словом, как письменным, так и устным. Но при этом И. Роднянская отвергает позицию о. Александра Шмемана, утверждая, что было ошибкой принять изображение Ленина за портрет психологический и искать здесь сходства между автором и его героем: в эпопее дан, скорее, антропологический и онтологический портрет политика. О своеобразной «идентификации» автора и героя «Красного Колеса» размышляет также японский ученый Кадзухиса Ивamoto [Ивamoto 2013: 427–436]. Он уделяет особое внимание топографической проекции города в главах «Ленин в Цюрихе» и подчеркивает, что писатель идентифицирует себя с Лениным исключительно в Цюрихе. В работе делается основной упор на то, как цюрихские впечатления автора претворились в текст. Ми-

стический аспект создания образа В. И. Ленина привлёк внимание П. Е. Спиваковского [Спиваковский 2010: 121–139]: учёный рассматривает эпизод встречи Ленина и Парвуса, окрашенный в фантастические тона. Важно, что фантазмагорическая сцена, где Ленин и Парвус летят над миром, встреча, которой не было на самом деле, появляется в одном из самых документальных произведений А. И. Солженицына: здесь писатель нащупывает «мистические предпосылки революции» и во многом превосходит поэтику современной литературы.

В ранней юности А. И. Солженицын был увлечён идеями Ленина, но в дальнейшем его взгляды претерпели кардинальные изменения (это обнаруживается и в самой концепции «Красного Колеса»). При этом к фигуре Ленина он всегда проявлял особый интерес, воспринимая создание этого образа как некий вызов тому: «Но вот третий день из всех портретов выделяется одна потрясающая фотография: сколько зла, пронизательности и силы. Видишь мой замысел — и не может (не может ли?) ему помешать. Посмертная пытка ему — а мне земное соревнование» [Солженицын 2005: 19].

О. Шмеман фиксирует в своих дневниках признание писателя: «...у меня в "узлах" три прототипа (то есть в них я вкладываю себя, пишу о себе) — Воротынцев, Саня Лаженицын (был ещё Саша Ленартович, да безнадежно разошлись...) и... Ленин! У нас много общего. Только принципы разные. В минуты гордыни я ощущаю себя действительно анти-Лениным. Вот взорву его дело, чтобы камня на камне не осталось... Но для этого нужно и быть таким, каким он был: струна, стрела...» [Шмеман 2007: 102]. После прочтения очерков «Бодался теленок с дубом» он вновь возвращается к этой теме: «Начинаю понимать то, что он мне сказал в последний вечер в Цюрихе, вернее — в горах: "Я — Ленин..." <...> Или же все это от непомерности Зла, с которым он борется и которое действительно захлестывает мир? Но и тогда — оправдывает ли она, эта непомерность, хоть малейшую сдачу ей в тональности? Что нужно, чтобы убить Ленина? Неужели же "ленинство"?..» [Шмеман 2007: 153].

Сходство образов автора и героя потрясло о. Александра: «Читаю с захватывающим интересом солженицынского "Ленина в Цюрихе". Напор, ритм, бесконечный, какой-то торжествующий талант в каждой строчке, действительно нельзя оторваться. Но тут же почти с каким-то мистическим ужасом вспоминаю слова Солженицына — мне, в прошлом году, в Цюрихе — о том, что он, Солженицын, в романе — не только Саня, не только Воротынцев, но прежде всего — сам Ленин. Это описание *изнутри* потому так потрясающе живо, что это "изнутри" — самого Солженицына. Читая, отмечаю карандашом места — об отношении к людям (и как они должны выпадать из жизни, когда исполнили свою функцию), о времени, о целеустремлении и буквально ахаю... Эта книга написана "близнецом", и написана с каким-то трагическим восхищением. Одиночество и "ярость" Ленина. Одиночество и "ярость" Солженицына. Борьба как содержание — единственное! — всей жизни. Безостановочное обращение к врагу.

Безбытность. Порабощенность своей судьбой, своим делом. Подчиненность тактики — стратегии. Тональность души... Повторяю — страшно...» [Шмеман 2007: 215]. Для глубоко верующего человека, для православного священника Ленин был прежде всего антихристом, безбожником, приведшим Россию к гибели. Солженицын же имел в виду другое: противостоять антихристу можно истинной верой и убежденностью в конечной победе, но для этого нужна столь же мощная сила творческого духа — воистину сопоставимая с той, что обладал его оппонент, и даже превосходящая ее. Позднее писатель скорректировал свою позицию: «Я собирал о нем каждую мелочь, и моей единственной целью было воссоздать его живым, какой он был. Конечно, ни один персонаж художника не создается без вклада автора. Какая-то доля автора вдыхается в самого враждебного героя: нельзя отразить ничье тело, если в него не вдохнуть душу. Если я описал за это время двести человек, в каждом из двухсот что-то от меня есть обязательно. Однако я думаю, что, сравнивая нас, поддаются внешним несущественным признакам» [Солженицын 1995: 338–339]. И все же фрагменты «Дневника Р-17» убеждают, что некое сходство с Лениным сам А. И. Солженицын чувствовал и осознавал. Оно проявляется на текстуальном и содержательном уровнях «Красного Колеса».

Одной из форм выражения авторской позиции у Солженицына становится введение персонажей, прямо выражающих взгляды автора (например, полковник Воротынцев «транслирует» представления писателя о событиях войны с точки зрения профессионального военного). Однако некоторые аспекты авторской позиции могут обнаруживаться и во взглядах персонажей-антагонистов. Для А. И. Солженицына характерен отказ от однозначной характеристики действующего лица: даже по отношению к политикам, сыгравшим роковую роль в русской истории, проявляется умение показать их эмоциональную, скрытую, человеческую сторону. Это связано с основополагающей авторской установкой: «...для меня главный герой тот, кому посвящена данная глава, и я должен строить свою главу полностью в его психологии, и стараясь передать его правоту. Больше того, я свой язык — не прямую речь, а свой авторский язык — строю так, чтобы он был верным фоном именно этому герою, именно в этой главе. И вот у меня столько точек зрения в романе, сколько героев» [Спиваковский 2003: 65]. Стиль в «ленинских главах» воссоздавался с опорой на реальные письма политика, причем писатель столкнулся с трудной языковой задачей — «выплощивать, высушивать речь», чтобы приблизиться к ленинской речевой манере. «Ленинские главы», безусловно, ориентированы на точку зрения реального исторического лица, при этом в тексте эпопеи обнаруживаются черты Ленина, которые схожи с характером, привычками и даже некоторыми взглядами самого писателя.

Описывая Ленина за работой в библиотеке, А. И. Солженицын опирался на личный опыт. Известно, сколько времени и сил было потрачено писателем на работу в библиотеках с разнообразными документальными источниками (газетами, дневни-

ками, стенограммами). В «Красном Колесе» Ленин нередко показан именно в библиотеке, за работой по изучению и конспектированию газет. Солженицын наделяет также идеолога революции своей привычкой, которая, вероятно, появилась у него в лагерное время: ходьбой по прямой линии, стимулирующей мыслительную активность. Об этой своей особенности писатель, в частности, говорит в очерках изгнания «Угодило зернышко промеж двух жерновов»: «Когда было не ждать гуляющих, я, по тюремному обычаю, ходил по этой тропе туда-сюда, туда-сюда, вбирая себе ясности и разума то от верхнего вида, то от нижнего — от горного прорыва в долину речёнки Тёсс...» [Солженицын 1998: 79]. Этот фрагмент перекликается с текстом эпопеи, где речь уже идет о революционере: «И пользуясь необычным этим случаем, ещё и ещё разряжаясь от избыточной натяжки нервов, Ленин взялся быстро ходить по прямой, по самой длинной центральной прямой здесь — от входной двери под деревянной галереей до двух поперечных каменных длинных ступенек, перед бывшим алтарём. Получалось шагов пятьдесят, не перегороженных ни полками, ни столами» [Солженицын 2010: 109]. На В. И. Ленина (как и на автора «Красного Колеса») такая ходьба действовала взбадривающе, заставляла лучше работать мысль: «Теперь в этом быстром настигающем хождении, шагом охотника, расталкивая, расталкивая Гильфердингов, Мартовых, Грёйлихов, Лонге, Прессманов и Чхеидзе, не давая им фразы высказать связно, тут же обрывая, осекая, ставя на место и рассеивая их, именно в этом колебании бешеного маятника — он отбивался, отбивался от врагов.

Освобождался от врагов.

И всё больше был готов к методической работе» [Солженицын 2010: 109].

Разительное сходство с привычками писателя можно обнаружить в многочисленных передачах и фильмах о нем: для размышлений автору «Красного Колеса» нужна была особая прогулочная зона, которой стал длинный балкон в доме в Троице-Лыково. Привычка держать руки за спиной и монотонная прогулка, очевидно, остались от лагерной жизни.

Другой чертой, сближающей автора и его героя, стало подчинение работе большей части своего жизненного времени и нежелание расходувать его на развлечения (такие, как поход в ресторан): «Потом мы всей компанией должны где-то пообедать, и тут я их всех (кроме Бетты) поражаю, что в ресторан не хочу: истомляет меня эта чинная обстановка, размеренно-медленный (потеря времени!) культ поедания, смакования, за всю советскую жизнь, 55 лет, кажется раза два только и был я в ресторане, по неотклонимости» [Солженицын 1998: 52]. В «Красном Колесе» В. Ленин выступает ярким ненавистником кафе как места, в котором много бесценного времени тратится попусту: «По холоду хоть не стали выставять столиков из кафе на тротуары — а то сидят, на прохожих глазами лупают, а ты их обходи, чертыхаясь. И во всё своё эмигрантское время ненавидел Ленин кафе — эти обкуранные гнёзда словоблудия» [Солженицын 2010: 117].

День Солженицына был распланирован по минутам, а любое нарушение графика переживалось болезненно, поскольку мешало закончить работу. О таких свойствах его характера можно судить из его воспоминаний «С Варламом Шаламовым», где писатель указывает на несовпадение своих ожиданий и режимов с шаламовскими: «Приглашая его, я судил по себе: мне бы только дали работать в тишине и в чистом воздухе, с утра до вечера, лишь бы не мешали, — и я думал, что и он нуждался лишь в том. А, оказалось, он понимал так, что вторую половину дня или хотя бы к вечеру мы будем подолгу разговаривать. <...> Да при моём постоянном тоннельном прорыве сквозь хребты, 16-часовой неразгибности в день, — я совершенно не готов был так проводить время» [Солженицын 1999: 166]. Аскетическое отношение к личному времени характеризует и Ленина: «Вообще всякая неожиданная бытовая неурядица, а особенно несвоевременный незванный гость, бесцельная потеря времени — больше всего изводили и выбивали из рабочего состояния. Обидней всего бесцельно тратить нервы и силу доводов не на конференции, не в брошюре, не в споре с важным партийным противником, а просто так, на губошлёпа, который и не думает серьёзно того, что говорит. Эмигранты считают свои пятики, а битый день проваландаться — для них не потеря. А Ленин — заболел от одного потерянного часа! И даже встреча, разговор, дело, которые потом осознаются как важные и нужные, — в момент их внезапности, если не были заранее предвидены, вызывают раздражение» [Солженицын 2010: 90].

В отношении материального благосостояния А. И. Солженицын стремился к аскетизму, что подтверждается устройством жизни писателя: Н. Д. Солженицына замечала, например, что в еде и в быту он был неприхотлив. У В. И. Ленина в эпопее наблюдается схожая позиция: «По внутреннему протесту, по противоположности вело Ленина — самому, во всяком случае и всегда отгородиться от всякого доступного близкого избытка. Достаток — другое дело, достаток — разумен, но избыток — начало разложения, и Парвус на этом попался» [Солженицын 2010: 174]. Схожие взгляды на западное благополучие и комфорт, которые мыслятся как цель существования, высказывает писатель в Гарвардской речи: «Даже биология знает, что привычка к высокоблагополучной жизни не является преимуществом для живого существа. Сегодня и в жизни западного общества благополучие стало приоткрывать свою губящую маску» [Солженицын 1995: 313].

Объединяет автора и персонажа отношение к компромиссу. О Ленине в «Красном Колесе» говорится следующее: «Всегда он шел путем неприятия компромиссов, несглаживания разногласий — и так создавал побеждающую силу. <...> Примиренчество и объединенчество уже давно показали себя как гибель рабочей партии» [Солженицын 2010: 113]. Но ведь и сам Солженицын часто корил себя за уступки: например, когда решился переделать сюжет романа «В круге первом», чтобы ускорить или сделать возможной его публикацию (описано в «Бодался теленок с дубом»). Одна из глав книги М. М. Голубкова об А. И. Солженицыне называется «Соблазн и

трагедия компромисса» [Голубков 1999]. В ней автор подчеркивает, что компромисс и отношение к нему писатель нередко делал одной из ключевых внутренних коллизий своих героев и их своеобразной «проверкой». Но неприятие компромиссов также было и его личной чертой: «Верный этой идее, Солженицын всегда старался избегать компромисса — насколько это было возможно в той политической и литературной среде, которая известна нам, в частности, по его мемуаристике. (...) Бескомпромиссность — это идеал, стремление к которому определяет и характер творческого дара, и специфику общественного поведения. Она дала возможность выиграть в безнадежном, казалось бы, противостоянии советской системе и принесла победу «теленку», бодавшемуся с «дубом»» [Голубков 1999: 108].

Известно, что А. И. Солженицын большую часть жизни ощущал себя писателем-подпольщиком [Солженицын 1975]. И Ленин в «Красном Колесе» показан именно как подпольщик: «Ведь голова подпольщика нагружена втрое по сравнению с простыми людьми: кроме обычной для всех жизни — передвижений, поступков, работы, разговоров, ещё постоянно плющат мозг эти заботы: как одеться безопасней; что взять в карманы, чего не брать; в каком порядке посещать дома и встречаться, чтоб от предыдущего не повести к следующему; где что оставить; кого лучше попросить о сохране, о передаче, о скрытности» [Солженицын 2010: 321]. В эпопее подробно показана развивающаяся подпольную линию система связей между соратниками В. Ленина для передачи информации: «С кем угодно можно установить прочную тайную связь, никогда не встречаясь прямо, если составить цепочку из постоянных посредников — двух, а лучше трёх. Твой посредник встречается кроме тебя ещё с двадцатью человеками, и только один из них — следующий в цепи; тот встречается ещё с двадцатью — уже четверста возможностей, это проследить не может никакая полиция и никакой Бурцев» [Солженицын 2010: 153]. Знаменитая система «невидимок», разработанная самим А. И. Солженицыным для сохранения своих текстов, основывается на схожих принципах. На выставке «Писатель и тайна: Александр Солженицын» в музее-заповеднике Царицыно были представлены подробные инфографики, иллюстрирующие разветвленную систему «невидимок», каждая линия которой как раз и состояла из трех звеньев, где первое и третье звено не были лично знакомы между собой. Выставка позволяла увидеть особенности конспиративной, по сути, подпольной работы А. Солженицына над книгой «Архипелаг ГУЛАГ».

Мы постарались продемонстрировать, как сходство автора и героя проявилось на текстуальном и содержательном уровнях «Красного Колеса». А. И. Солженицын наделил своего героя некоторыми личными чертами и привычками, то есть, в какой-то степени портрет Ленина он «писал с себя», невольно став своеобразным «прототипом» его образа, как бы парадоксально это ни звучало. Однако ни в коем случае нельзя «приписать» А. И. Солженицыну взглядов созданного им героя. Писатель не разделял идеологию знаменитого революционера,

поэтому несмотря на сходство отдельных черт автора с образом Ленина в системе персонажей «Красного Колеса», — сходство, на которое обращали внимание сам А. И. Солженицын и исследователи его жизни и творчества, — нельзя забывать высказывание писателя, приведенное в начале статьи. Он подчеркивал, что принципы у них были абсолютно разные.

ЛИТЕРАТУРА

Голубков М. М. Александр Солженицын. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — 121 с.

Гуськов В. В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное Колесо». — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. — 228 с.

Ивамото К. Ленин и Солженицын: идентификация автора «Красного Колеса» с героем // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: Материалы Международной научной конференции. — М.: Русский путь, 2013. — С. 427–436.

Немзер А. С. «Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. — М.: Время, 2010. — 420 с.

Роднянская И. Ленин: художественно-исторический портрет за гранью идеологии // Путь Солженицына в контексте Большого времени: сборник памяти 1918–2008. — М.: Русский путь, 2009. — С. 265–276.

Сараскина Л. И. Александр Солженицын. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 935 с. — (ЖЗЛ: Биография продолжается).

Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. — Paris: YMCA-PRESS, 1975. — 629 с.

Солженицын А. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Октябрь Шестнадцатого // Собрание сочинений: в 30 т. — М.: Время, 2010. — Т. 10. Кн. 2. — 592 с.

Солженицын А. И. Речь в Гарварде // Публицистика: в 3 т. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. — Т. 1: Статьи и речи. — 720 с.

Солженицын А. С Варламом Шаламовым // Новый мир. — 1999. — № 4. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/4/solgen.html.

Солженицын А. И. Телеинтервью компании Би-Би-Си // Публицистика: в 3 т. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. — Т. 2: Ответственные заявления, письма, интервью. — 620 с.

Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына. — М.: Русский Путь, 2005. — С. 9–28.

Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. — 1998. — № 9. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/9/sol.html.

Солженицына Н. Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: материалы Международной научной конференции. — М.: Русский путь, 2013. — С. 442–451.

Стиваковский П. Е. Ленин и черт: история одной (не)встречи в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо» // Записки русской академической группы в США = Transactions of the association of Russian-American scholars in the U.S.A. — New York, 2010. — Vol. XXXVI. — С. 121–139.

Шмеман А. *прот.* Дневники. 1973–1983. — М.: Русский путь, 2007. — 720 с.

REFERENCES

Golubkov M. M. Aleksandr Solzhenitsyn. — M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1999. — 121 s.

Gus'kov V. V. Kto raskrutil Krasnoe Koleso? Sistema personazhey istoricheskoy epopei A. I. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso». — Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2010. — 228 s.

Ivamoto K. Lenin i Solzhenitsyn: identifikatsiya avtora «Krasnogo Kolesa» s geroem // Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: na puti k «Krasnomu Kolesu»: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. — M.: Russkiy put', 2013. — S. 427–436.

Nemzer A. S. «Krasnoe Koleso» Aleksandra Solzhenitsyna: Opyt prochneniya. — M.: Vremya, 2010. — 420 s.

Rodnyanskaya I. Lenin: khudozhestvenno-istoricheskiy portret za gran'yu ideologii // Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo vremeni: sbornik pamyati 1918–2008. — M.: Russkiy put', 2009. — S. 265–276.

Saraskina L. I. Aleksandr Solzhenitsyn. — M.: Molodaya gvardiya, 2009. — 935 s. — (ZhZL: Biografiya prodolzhaetsya).

Solzhenitsyn A. I. Bodalsya telenok s dubom: Ocherki literaturnoy zhizni. — Paris: YMCA-PRESS, 1975. — 629 s.

Solzhenitsyn A. Krasnoe Koleso: Povestvovan'e v otmerennykh srokakh. Oktyabr' Shestnadsatogo // Sobranie sochineniy: v 30 t. — M.: Vremya, 2010. — T. 10. Kn. 2. — 592 s.

Solzhenitsyn A. I. Rech' v Garvarde // Publitsistika: v 3 t. — Yaroslavl': Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. — T. 1: Stat'i i rechi. — 720 s.

Solzhenitsyn A. S Varlamom Shalamovym // Novyy mir. — 1999. — № 4. — Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/4/solgen.html.

Solzhenitsyn A. I. Teleinterv'yu kompanii Bi-Bi-Si // Publitsistika: v 3 t. — Yaroslavl': Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. — T. 2: Obshchestvennye zayavleniya, pis'ma, interv'yu. — 620 s.

Solzhenitsyn A. Tri otryvka iz «Dnevnika R-17» // Mezhdumy yubileyami (1998–2003): Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenitsyna. — M.: Russkiy Put', 2005. — S. 9–28.

Solzhenitsyn A. Ugodilo zernyshko promezh dvukh zhernovov // Novyy mir. — 1998. — № 9. — Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/9/sol.html.

Solzhenitsyna N. Kartoteka «Krasnogo Kolesa»: zamysel i osushchestvlenie // Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: na puti k «Krasnomu Kolesu»: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. — M.: Russkiy put', 2013. — S. 442–451.

Spivakovskiy P. E. Lenin i chert: istoriya odnoy (ne)vstrechi v epopee A. I. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso» // Zapiski russkoy akademicheskoy gruppy v SShA = Transactions of the association of Russian-American scholars in the U.S.A. — New York, 2010. — Vol. XXXVI. — S. 121–139.

Shmeman A. prot. Dnevnik. 1973–1983. — M.: Russkiy put', 2007. — 720 s.

Данные об авторе

Елена Викторовна Жуйкова — магистр, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; преподаватель литературы, Университетская Гимназия МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, корп. Г.

E-mail: Lany.ru@mail.ru.

About the author

Elena Viktorovna Zhuykova — Master, Post-graduate Student, Department of Modern Russian Literature History and Modern Literary Process, Moscow State University; Teacher of Literature, Moscow State University Gymnasium (Moscow).